

Поздравляем с юбилеем Михаила Полторанина

Михаил Полторанин

***22 ноября 2019 года отметил свое 80-летие
Михаил Никифорович Полторанин –
советский и российский журналист и политический деятель***

Михаил Полторанин родился в городе Риддер (в 1941–2002 годах – Лениногорск)

Восточно-Казахстанской области Казахской ССР.

Окончил Казахский государственный университет в 1964 году и ВПШ при ЦК КПСС.

С 1960 по 1991 год состоял в КПСС. В 1964–1986 годах работал специальным корреспондентом различных газет. В 1986–1988 годах – главный редактор газеты МГК КПСС «Московская правда».

В 1989 году был избран народным депутатом СССР.

С июля 1990 года по ноябрь 1992 года – министр печати и массовой информации РСФСР и министр печати и информации РСФСР/Российской Федерации. В 1992 году одновременно – заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, глава межведомственной комиссии по рассекречиванию документов КПСС. В 1992–1993 – руководитель Федерального информационного центра России, председатель Специальной комиссии по архивам при Президенте Российской Федерации.

Федерации.

В 1993–1996 – депутат Государственной Думы. Член фракции «Выбор России», председатель Комитета по информационной политике и связи.

С 1996 года – президент телевизионной корпорации «Момент истины».

*От имени Союза журналистов Москвы
желаем Михаилу Никифоровичу крепкого здоровья на долгие годы*

Александр Куприянов – лауреат литературной премии им. Бориса Корнилова

16 ноября в Санкт-Петербурге состоялось вручение Всероссийской литературной премии им. Бориса Корнилова. Одним из лауреатов премии стал главный редактор «Вечерней Москвы» Александр Куприянов.

Ежегодную независимую премию «На встречу дня!» вручали в 14-й раз в Доме молодежи Санкт-Петербурга.

Изначально премии удостоивались лишь поэты, затем список

номинаций расширили до публицистических произведений и прозы.

– Созданная в 1997 году, премия на какое-то время перестала вручаться, но затем была возрождена в 2008 году по предложению ныне покойного ленинградского поэта Андрея Романова. Его идею поддержал президент Литературного фонда «Дорога жизни», лауреат премии правительства России поэт Дмитрий Мизгулин, – рассказал вручавший премию поэт **Андрей Шацков**.

Изначально премией хотели отмечать выдающихся жителей Санкт-Петербурга. Но за годы своего существования награда обрела большую известность за пределами Северной столицы. Ее в разные годы удостоивались известные поэты, писатели, критики и публицисты – как москвичи, так и представители российской поэтической глубинки: Лев Аннинский, Геннадий Красников, Евгений Лесин, Андрей Романов, Глеб Горбовский, Наталия Соколовская, Ирина Образцова, Ирина Корнилова-Басова, Юрий Козлов и многие другие.

В этом году победителями премии стали литераторы из Москвы, Санкт-Петербурга, Смоленска, Петрозаводска и Нижнего Новгорода.

Москву представлял единственный прозаик среди лауреатов, писатель и главный редактор «Вечерней Москвы» **Александр Куприянов**, который получил премии за воссоздание творческой эпохи 1930-х годов в книге «Истопник», а также за увековечивание памяти и популяризацию творчества Бориса Корнилова на страницах газеты.

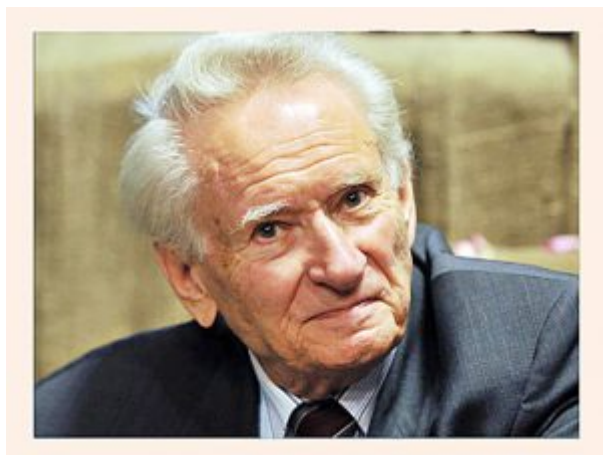
– Мне эта награда очень близка и дорога личностью и судьбой поэта Бориса Корнилова. Как поэт, всю свою недолгую жизнь он прожил ярко, не приберегая ничего на потом. И эта ярость звука, цвета, красок в его стихах зажигала многих, но сам он сгорел молодым, будучи репрессированным в страшные сталинские годы. Проблематика человеческих судеб в лагерях меня волнует всю жизнь, я ее исследую, прикасаюсь к ней, погружаюсь в нее в своих романах. И очень приятно, что мою работу заметили –

значит, она нашла отклик в сердцах читателей, значит, я старался не зря,— отметил Александр Куприянов.

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

Мария Гусева

Генриху Боровику исполнилось 90

16 ноября исполнилось 90 лет Генриху Боровику, знаменитому журналисту, публицисту, писателю и сценаристу, имя которого в советские времена было известно каждому, кого интересовали события в мире.

Первую известность ему принесли репортажи из «горячих точек» планеты – Вьетнама, Китая, Индонезии, Бирмы. Публиковал их журнал «Огонек». Генрих Боровик работал там с 1952 г., пришел сразу после окончания вуза. Сначала его взяли техническим секретарем, потом он стал корреспондентом международного отдела, ответственным секретарем редакции, международным обозревателем.

Уровень журналистики в «Огоньке» в это время был очень высок, он фактически приближался к литературе. Совсем еще молодой Генрих Боровик оказался среди маститых авторов, личностей большого масштаба, многие из которых прошли Великую Отечественную войну.

Они его очень интересовали. Влияли на его развитие, профессиональный рост. И он их тоже интересовал. Умный парень,

пытливый, много работает, старается. Увлеченный, неравнодушный.

Иногда его посылали в командировки вместе с легендарным военным фотографом **Дмитрием Бальтерманцем**. Всю войну он работал на фронте военкором «Известий».

Генрих Боровик учился у него фотографировать и научился это делать прекрасно. В его фотоархиве тысячи снимков. В 2011 году Пушкинский музей устроил выставку его фотографий «Увидеть время», она имела большой успех.

Работал он всегда очень много. Очень много, очень тщательно. Истинный трудоголик. Ни дня без строчки. Ни дня без работы.

Уже через три года после начала трудовой карьеры в библиотеке «Огонек» вышла его первая книжка очерков о Вьетнаме. Но большой успех пришел позже, в 1960 г., после очерков о революционной Кубе и книги «Повесть о зеленой ящерице», написанной на их основе. Потом по этим очеркам Боровик написал сценарий документального фильма о Кубе «Пылающий остров». Фильм снял режиссер-документалист **Роман Кармен**.

Жизнь ему улыбалась. Мало кто в советские времена имел возможность ездить в такие экзотические командировки, в какие направляли его. Но все подарки судьбы он отрабатывал с лихвой. Пахал день и ночь. Никогда не почивал на лаврах, не останавливался на достигнутом.

В 1966 году Боровик был направлен в США в длительную командировку – корреспондентом Агентства печати «Новости». Он уже был женат, росли дети, Марина и Артем.

В Штатах Генрих Боровик работал с 1966 по 1972 год. Переломное время для Америки. Очень яркое и безумно интересное. Смена общественных ориентиров, протесты против войны во Вьетнаме, громкие политические убийства.

Огромным везением было оказаться в Штатах в такое время, когда люди показывали себя в полный рост.

У Генриха Боровика были, конечно, определенные идеологические взгляды, они были ему органичны. Но он хотел адекватно понять страну и честно ее описывать. В Америке он эту задачу решал ежедневно.

Как и будучи корреспондентом «Огонька», он мог общаться здесь с выдающимися людьми, масштабными личностями, яркими представителями страны и эпохи. И он использовал эту возможность на сто процентов. Позже по материалам, собранным в той командировке, Генрих Авиэзерович написал документальный роман «Пролог».

Он писал книги, потому что в нем было очень сильно писательское начало, а в заметках и очерках для газет невозможно было полностью его проявить. В центре его внимания всегда был человек. Он любил с людьми разговаривать, делать интервью. У него колоссальный фотоархив, он много снимал, но всегда людей. Пейзажей там практически нет. Только персонажи, уличные сценки, лица.

Семья вернулась в Москву в 1972 г., и следующие десять лет Боровик работал спецкором АПН и «Литературной газеты». Опять ездил в командировки, писал книги и сценарии.

В 1980-м попал в немилость из-за критики войны в Афганистане. «Совок» еще был очень силен, но представители творческой элиты уже начинали формулировать невозможные прежде вопросы, и в обществе подул легкий ветерок ожидания перемен, проникавший сквозь щели «железного занавеса».

В конце 80-х и начале 90-х годов Генрих Боровик в качестве главного редактора руководил журналом «Театр». Станный на первый взгляд поворот от «горячих точек» к театральным подмосткам имел свое объяснение. Генрих Авиэзерович родился в театральной семье: отец – дирижер симфонического оркестра, мама – актриса. Они были одними из основателей Пятигорского театра музыкальной комедии, так что театр вошел в жизнь Генриха Боровика прямо с детства.

Первые свои пьесы он писал в 60–70-х годах. Всего у него их

пять: «Мятеж неизвестных», «Человек перед выстрелом», «Три минуты Мартина Гроу», «Интервью в Буэнос-Айресе», «Агент 00». Пьесы Генриха Боровика широко ставились и в России, и за рубежом.

Театр его увлекал по той же причине, что и писательство. Он очень много видел, знал, понимал благодаря журналистской работе. Поэтому вел дневники, писал пьесы, киносценарии, романы, повести, исследования. Писал, писал, писал...

А в 2000-м случилась трагедия – авиакатастрофа. Погиб сын Артём. Он возглавлял медиахолдинг «Совершенно секретно». Ходили слухи, что катастрофа была не случайной. Артёму приходилось вступать в конфликты: ведь в изданиях холдинга публиковались расследования в отношении очень известных людей, занимавших высокие посты. Расследование к однозначному выводу не пришло...

90-летний юбилей – время итогов. Какой период своей профессиональной деятельности Генрих Боровик считает самым продуктивным и интересным, а какой – самым упадническим и тяжелым?

«Конечно, гибель Артёма – страшный удар, – сказал Генрих Авиэзерович, отвечая на вопрос «МК». – Удар по всей семье».

«Что касается моей работы, – продолжил Генрих Авиэзерович, – то я как-то не привык делить ее на периоды. Мне всегда было интересно. Ну а ваш термин «упадническое», думаю, вообще ко мне не применим. Я никогда не скучал, всегда был оптимистом и остаюсь им. Верю в процветание, благополучие и мир».

Председателю журналистов России Владимиру Соловьеву – 55

Свой юбилей Владимир Геннадиевич Соловьев встречает в прекрасной творческой форме.

А в какой еще, если юбиляр с 1990 года работал на телевидении.

В трудные годы был собкором на Балканах. Ему пришлось освещать события семи войн.

Побывав в 80 странах, сделал множество интервью с ведущими политическими деятелями мира. И снял немало отличных документальных фильмов на телеканале «Россия».

Этого приятного, доброжелательного и очень мобильного человека два года назад российское журналистское сообщество избрало своим лидером. И, уже точно видно, не ошиблось.

Знание проблем, энергия, интеллигентность и напор – вот что отличает

RG.RU действующего председателя СЖР.

[По тексту Николая](#)

[Долгополова](#)

*От имени Президиума Союза журналистов
Москвы*

поздравляем коллегу Владимира

Соловьева с 55-летием

и желаем ему новых творческих побед

«В 55 все только начинается!..» –

Председателя СЖР поздравляет коллектив
газеты «Вечерняя Москва»

Накануне своего 60-летия Дмитрий Дибров дал интервью «МК»

Каким ты был, таким остался? Что такое Димочка Дибров сегодня? Кто такой? Вот уж интересно понять. Был лучшим телеведущим, самым лучшим. Остался ли? Большой вопрос для маленькой компании. Будем разбираться. Ну а сначала поздравим Дмитрия Александровича Диброва с юбилеем. Человеку исполняется 60!

«И что же это, Альцгеймер?»

– Дима, давно хотел тебя спросить: что с тобой произошло?

– В каком смысле?

– По-моему, ты как-то упростился в последние годы. Ты же был лучшим ведущим 90-х. Почему ты стал таким сладким, гуттаперчевым, человеком, из которого можно вылепить все что угодно. Что с тобой случилось?

– Не понимаю, дай мне конкретные факты.

– Ты же был таким умным! Почему ты из сложного человека так упростился? Может, я не прав, но я так тебя вижу.

– Ну что же, Саша, на каждый чих не наздоровкаешься. Вполне естественно, тот, кто не был до тридцати лет анархистом, не имеет сердца, но тот, кто им остался после тридцати лет, не

имеет ума. Да и прими во внимание: трое детей, это тебе не игрушки.

– Да, хороший дом, хорошая жена, что еще нужно, чтобы встретить... Кстати, ты себя не чувствуешь старым?

– Ну, главное, чтобы это не чувствовал ты. Ни один человек на свете ее не чувствует, а вот зеркала почему-то ему подсказывают. Хуже, чем зеркала, еще и окружающие. Говорят: что-то ты, брат, не тот. Вот так, как ты говоришь. Да, когда дети не имеют общих тем с тобой, тебе ничего не хочется, ты ничего не создаешь – вот это старость. Еще, правда, бывает клинический случай, например, остеохондроз, Альцгеймер или подагра. Но если этого ничего нет, как в моем случае, то какая же это старость. Вот я сейчас пытаюсь превратить свой домашний кабинет в вещательную студию. Я пытаюсь понять, как бы мне начать в Инстаграме регулярные трансляции. И что же это, по-твоему, Альцгеймер?

– А я разве сказал, что у тебя Альцгеймер? Но ты же боишься старости даже чисто внешне – красишь волосы. А я помню тебя еще седым. Седина тебе очень шла.

– Позволь тебе напомнить размышления моего любимого и, надеюсь, твоего, Юрия Владимировича Никулина. Мне это Максим Никулин рассказывал в программе «Временно доступен». Я помню Юрия Владимировича очень хорошо, но когда Юрий Владимирович тридцать лет выходил на манеж, тогда он красил волосы. А когда мужчина красил волосы при социализме, это было совсем странно. И у Юрия Владимировича спросили: «Что же вы волосы-то красите?» А он говорит: «Видите, какая вещь, я работаю клоуном в цирке. А в цирк приходят дети, и они должны смеяться надо мной. Но это крайне невежливо – смеяться над седым человеком. Вот почему я для детей крашу волосы». Заметим, когда Юрий Владимирович возглавил Цирк на Цветном бульваре, он уже сидел у себя в кабинете совершенно седым. Помнишь, как у Толстого, когда слепой несет фонарь по улице, ему говорят: «Что ж ты фонарь несешь, дурак, ты ж ничего не видишь». А он: «Значит, я

фонарь не для себя ношу, это я для вас его ношу». Я тебе ответил?

– Конечно. Но вот у тебя была «Антропология». Это была лучшая передача, с моей точки зрения, нашего ТВ.

– Спасибо.

– Я просто помню хорошо, как улицы пустели, когда она шла, как будто показывают какие-нибудь «Семнадцать мгновений весны». И ты там был замечательный, сложный и умный. Потом уже у тебя появилась «Апология». Чувствуешь разницу? Прости, но ты стал многословным, и за этим многословием, по-моему, ничего не было. Помнишь, как Парфёнов во «Временно доступен» тебе сказал: «Зачем так много слов?» Ты не считаешь, что это тоже признак той самой старости?

– Видишь ли, тут практика должна относиться к тебе как женщина, а ты к практике – как мужчина. Порядочный мужчина постоянно должен пытаться, а порядочная женщина должна постоянно отказывать. Ты должен мне сказать: брат, что-то ты много говоришь. Это твое право. Ну а я должен пытаться самому себе, ну и тебе, говорить: нет-нет, он не прав! Или, наоборот, припомнить, что мнение, которое наши недоброжелатели имеют о нас, ближе к истине, чем то, которое мы имеем о себе сами. Так что здесь, Саша, не мне судить.

– В 2003 году, когда Гребенщикову исполнялся полтинник, даже вопроса не вставало, кто должен с ним делать интервью – конечно, ты. Ведь ты тогда, с моей точки зрения, был человеком, равным БГ.

– Ну нет, здесь я буду протестовать в самых сильных выражениях. Упаси тебя господь, никогда на свете я бы так не подумал, и, кстати, в этом тоже моя сила. Невозможно быть равным человеку, который написал: «Не прячь от Бога глаза, а то как он найдет нас». Саша, я понимаю, что это ты ради красного словца. Кстати, не ты ли сейчас несешь черт знает что, что не имеет под собою смысла. Наибольшее раздражение в

окружающих вызывают у нас те недостатки, в которых окружающие склонны обвинять нас самих. Нет, равным с Гребенщиковым никогда на свете я не мог бы себе позволить считаться.

– Это правильный ответ, достойный. Но здесь я не играю.

– А, так ты с удовольствием обнаруживаешь, что жив еще курилка, да?

– Просто тогда ты был культовым ведущим. Но вот недавно юбилей был у Никиты Михалкова, и опять интервью делал ты. К Михалкову пришел сытый человек, который не задал ни одного смыслового острого вопроса. То есть это был совсем не тот уровень, что когда-то был у тебя. Мне так кажется.

– Так тебе и судить. Честно сказать, я ведь себя и не смотрю по телевизору, поэтому тут мне приходится скорее прислушиваться к тебе. Я ведь не знаю, что редакторы оставили из всего, что я спрашивал у Никиты Сергеевича. Но я уверяю тебя, у нас очень добрые отношения. Хочу сказать, что все мои проекты были не то чтобы революционными, но в любом случае перпендикулярные к вектору развития тогдашнего телевидения, и всякий раз Никита Сергеевич ко мне приходил на первую программу. Кстати, был эпизод при Ельцине, когда Никиту Сергеевича не приветствовали на ТВ и советовали воздержаться от Михалкова. А я вот не воздерживался, а охотно приглашал. И острые вопросы я ему задавал, многие из которых нарыл в Интернете. Но вот чего я не люблю, это когда у меня спрашивают что-либо, начиная фразу: «Вот в одном интервью вы сказали...» Чего ты, к счастью, не делаешь.

– Это манера Владимира Владимировича Познера.

– Об этом я не знал. Это манера двадцатилетних молодых журналистов, которые пользуются плодами жизнедеятельности других организмов. Я часто говорю таким детям: послушайте, ну если это я сказал в каком-то интервью, ведь люди меня спрашивали. А вопрос – это ваш инструментарий. Да что же вы пользуетесь чужим инструментарием, да придумайте вы свои

вопросы. Или спросить у меня не о чем?

«Я ведь не крал ни копейки у государства»

– Ты сам сказал: плохо тому, кто до старости остается анархистом. Ты уже давно не анархист, не революционер. Ты, по моему, доволен жизнью, даже слишком доволен. Прости, Дим, но глядя на тебя, мне иногда хочется подтвердить тезис, что художник должен быть голодным.

– Сашенька, ну что я могу сказать! Скажи-ка ты это тем молодым людям, которые ради денег разбиваются вдребезги сегодня, еще даже не дожив до старости. Которые только о деньгах и думают и из-за этого вкалывают себе в жопу и в губы ботокс и выходят в Инстаграм: десять тысяч долларов одно упоминание одной сумочки. Ты с кем борешься, с ветряными мельницами? Ты пытаешься бороться с идеологией времени. А по поводу того, что ты спрашиваешь... Пойми, это просто смешно при трех детях. Вот если бы они сказали: папа, ты дожил до шестидесяти лет, а так ничего не нажил. Значит, папа был бездельным человеком. Ты говоришь, голодный? Саша, да уж поголодал я, слава тебе, господи, пусть нынешние поголодают. Да что-то они голодать-то не стремятся, поговори-ка ты лучше с ними.

– Помнишь, как Горький приехал в Америку, увидел джаз и назвал это «музыкой толстых»?

– Да, но Луи Армстронг был довольно упитан и Элла Фицджеральд не худенькая, не Мэрилин Монро.

– А может, твою программу тоже можно назвать «музыкой толстых»?

– Ну как же толстых, двадцать миллионов меня смотрят по субботам, и, кстати, слава богу, что смотрят, а среди них, может быть, есть и толстые, но, наверное, есть и тонкие. Судя по тому, как ко мне обращается улица в Казани или в Ярославле, на Сахалине или в Новосибирске, – кого там только нет.

– Вспомнил одно твое интервью, где тебе сказали про какую-то статью о тебе. А ты: «Ну, сейчас я пошлю своих слуг, они мне эту газету купят». У тебя действительно есть слуги?

– Саша, мне 60 лет, из них сорок я провел на телевидении, что же это мне без помощников по хозяйству жить. Не прикажешь мне и в шестьдесят стирать носки? Это же ханжество, это двойные стандарты. Сам-то ты стираешь у себя или у тебя роль прислуги жена выполняет?

– Я-то себе свои носки стираю, а ты?

– У меня жена есть, а у жены есть помощники по хозяйству. Нет, Саша, ты неправильно устроил свою жизнь. Это означает: что-то в тебе, брат, не так, если ты, будучи одним из самых известных тележурналистов, сам себе стираешь носки. Позволь тебе напомнить Ларошфуко: «Кто слишком усерден в мелочах, не способен ни к чему великому». Саша, ты что-то не так сделал в жизни. В девятнадцать это странно, когда у тебя есть прислуга. Еще ты ничего на свете не сделал в девятнадцать, а ты уже хочешь к себе уважения... Но в шестьдесят странно применять ко мне те же самые требования, которые ты был вправе применить ко мне в 29. Ведь нет же более жалкого зрелища, чем мужчина в зрелости, не преуспевший в делах. Саша, я ведь не крал ни копейки у государства, у меня нет нефтяных скважин. Единственное, что меня роднит с полковником Захарченко, это то, что мы оба родом с Дона, но на этом сходство заканчивается. Каждую копейку, которую ты видишь у меня дома, я заработал на глазах у всех, вкалывая на телевидении. И, как ты только что заметил, постарался стать не последним специалистом в моем деле. Так ты мне отказываешь в праве к шестидесяти отказаться от того, чтобы стирать носки и делегировать эти задачи другим, кому я, кстати, плачу из этих же телевизионных денег. Это же не рабы, это сотрудники, я им плачу деньги за это. В чем ты меня обвиняешь?

– Я только говорю о том, что пусть кто угодно стирает твои носки, но такую программу, как «Антропология», ты больше не

сделаешь .

– А вот ты уже и сдаешься! Ясно с прислугой все? Знаешь, в чем дело с «Антропологией»? Она действительно была очень к месту, я ведь это чувствовал. Наверное, трудно было прикормить человека к ночному эфиру, подумать: черт, а здесь надо поразмышлять, ведь ночь была биологическим фильтром от недоумков. Кого у меня там только не было: и Вознесенский, и тот же Познер, и Земфира впервые. Помню, как она мне поставила банку на голову, а потом покрыла... не матом, уж не знаю чем, да еще поссорилась с телезрителем в прямом эфире, представляешь.

– А какая Жанна Агузарова у тебя была классная!

– Жанночка чудесная! Ну и Боря Гребенщиков дневал и ночевал. Но там была еще одна характеристика – еженощность. А вот этого сегодня мне не позволит никто. Но и в «Антропологии» рейтинг был очень маленький. Единственное, когда ко мне пришел Павлик Буре, он подскочил до трех процентов, потому что это хоккеист... Но «Антропология» была ценна репутационными завоеваниями.

– Вот именно! На тебя приходила качественная аудитория, а сегодня ты стал миллионером во всех смыслах этого слова.

– Но, Сашенька, не тебе судить. У меня вот сейчас как раз налоговая справка...

– Я говорю о программе.

– Давай о программе. Есть Интернет, и посмотри на прекрасного Дудя, он работает. Потом посмотри на прекрасный проект Парфенова «Парфенон». Все выходит в Интернете. А в эфире еженощно сидеть – это анахронизм. На могиле у Конфуция написано: «Здесь лежит человек, точно соответствовавший своему времени». Но, с другой стороны, в то короткое время, когда я выхожу из дома, ко мне подходят люди: «А вы не могли бы мои стихи посмотреть? А песни послушать?» С удовольствием, говорю, только вы мне это даете с расчетом, что я вас прославлю, а у меня эфира нет.

– Нет, Дим, просто они тебя по старой памяти держат за интеллектуала.

– Интеллектуалом называется человек, в равной мере осознающий ценность и материальной, и нематериальной природы. А с другой стороны, кто-то там свше мне подсказывает: слушай, брателла, а ведь твоя ниша еще не занята. Но теперь мне бы хотелось освоить интернетное пространство.

«Дедушка еще не до конца умер»

– Скажи, как ты теперь относишься к Друзю и вообще ко всем этим играм, в том числе и к той, которую ты ведешь? Знаешь, после того разговора Друзя с Бером я перестал смотреть «Что? Где? Когда?», мне противно.

– Не ставь все игры на одну доску. Нет игры, равной «Миллионеру», ни по интересу, ни по динамике, ни по замыслу, ни по исполнению, посмотри на цифры.

– Но ведь, оказывается, можно втихаря разыграть бабки и на твоей программе тоже?

– Этот момент мне до сих пор самому не ясен. Я не верю, что Александр Абрамович Друзь нуждается в вопросах и ответах. Он знает даже больше, чем Википедия, в этом я не раз убеждался. К тому же с его врожденным благородством... Что-то здесь не так. Ей-богу, я должен был бы послушать этот звонок, но я же его не слышал. Теперь Илюша Бер. Это очень интеллигентный человек, мы же десять лет работаем бок о бок. Молодой папаша, кстати, что нас еще с ним роднит. Здесь что-то не так.

– Дим, это наши еврейские штучки, не обращай внимания.

– Слушай, у вас такие еврейские штучки, что Евгений Львович Шварц был белоказак, участником Добровольческого похода атамана Корнилова, был контужен при взятии Екатеринодара. Поэтому «Обыкновенное чудо» и «Убить дракона» Евгений Львович написал дрожащей рукой. Сколько на свете миллионов евреев,

столько разных миллионов штук.

Но про тот конфликт я думаю вот что: может быть, это была размолвка между Илюшей и Александром Абрамовичем в очень мной уважаемом сообществе интеллектуалов, как между двумя хозяйствующими субъектами. Может, что-то такое между ними произошло на полях «Что? Где? Когда?», что вылилось в аппаратную «Миллионера»? Это глубоко личный вопрос. Но я не могу сказать, как герой «Миллионера из трущоб», которого я озвучивал: «Это моя программа». Это неправда! Нет, это не моя программа, не мое шоу, у нас работает 60 человек. После меня пришел Максим Галкин и прекрасно провел семь лет. После него пришел я и тоже сижу уже десять лет. Это не наше шоу, это шоу всех, кто его делает, не говоря о телевидении и, кстати, о клубе «Что? Где? Когда?». И, если ты, Саша, говоришь, что тебе из-за всей этой возни уже неприятно смотреть «Что? Где? Когда?», – это преступно. Это же не твое, брат.

Для меня большая честь, что я являюсь соратником Ворошилова, и честь, что я был с ним знаком. Он же меня защищал всегда, и благодаря этому появилась моя первая программа «Монтаж». А потом уже я его защищал. Знаешь когда? Когда он поменял в призах книги на деньги. Ой, что тут было! Все набросились на него: он предал интеллектуалов ради каких-то денег. Ворошилов послушал, послушал эти вопли на собрании и перестал туда ходить. Я за него ходил и защищал, потому что он показал, что деньги можно зарабатывать своим собственным умом.

– А как ты относишься к Малахову? Помню, мы с тобой сидели, и ты все твердил: вот Малахов, Малахов, его все узнают. А потом, когда он перешел на другой канал, вас собрали там, на Первом, и вы должны были что-то говорить про великого Малахова. Тебе было не унижительно?

– Ну, во-первых, «великий» – это ты сказал. Пожалуйста, следи за своей лексикой, не приписывай мне того, что думаешь сам. Второе: а почему же мне не сказать про коллегу, с которым я тридцать лет проработал бок о бок? В этом и фокус: надо

ухватывать время. На Первом канале ты вынужден следить за временем, угождать и нашим, и вашим, а в Интернете ты свободен и можешь презирать свою аудиторию. Но если сегодня все так смотрят на Бузову, значит, миллионам нужны символы успеха любой ценой. Ну, брат, с кем ты будешь воевать?

– По поводу «и нашим, и вашим». Как ты относишься к пропаганде, идущей на всех каналах? С тобой же случилась истерика на канале «Звезда» по этому поводу. Было похоже, как будто тебе защемили одно место, ты кричишь, но не можешь высказаться. Но ты же гражданин, ты же умный человек, а не дают тебе, и не можешь ты, и боишься, наверное. Но ты выкрикнул это все – и молодец.

– Нет-нет, давай разберем этот случай. Я ничего не выкрикивал! Если бы я хотел что-нибудь крикнуть, уж я бы нашел и трибуну, и форму, но не такую доверительную, в которой я это высказал. Я бы сделал так, чтобы это высказывание было звеном планомерной цепи, и я бы верил, что это принесет плоды на практике. Но я не верю, что слова могут принести какую-либо пользу, поскольку я не верю, что рыбы приносят цунами. Потому что главные причины цунами – это внутренние, глубинные, тектонические сдвиги на дне океана. Вот они еще не произошли, поэтому болтать, брателла, не моя работа.

– Но тебя же на этом засекли, этот крик души вырвался из тебя.

– Не засекли, а просто мерзко, подло показали, что двадцатилетние кретины могут, абсолютно не спрашивая у того, у кого они записывают, выложить это в Мэш-канале. Знаешь зачем? Чтобы прославиться самому. У нас была просто планерка, где я говорил с молодыми коллегами.

– Ты же сказал очень правильные вещи и про пропаганду, и про Украину, и про все это вранье, в котором ты участвуешь.

– Но при этом, оказывается, они сидели, дедушку слушали, на чьих передачах они выросли, а в кармане нажимали на «Айфон», чтобы записать его эти высказывания доверительные и выложить в

Интернете. И из этого, Саша, я, не будь дурак, понял: что бы ты ни пытался сделать, все это уйдет в виртуал, такова правда времени.

– То есть эти парни, которые тебя записали, оказались актуальны времени. Так что ничему не удивляйся.

– А вот тут уж, Сашенька, и ты не удивляйся, что дедушка еще не до конца умер и по-прежнему играет свою старую мелодию на несколько потускневшей с годами флейте. Нет, я по-прежнему буду считать, что необходимо насаждать вокруг себя жизнь. Но только, чтобы не быть городским чудачком, надо знать, как и где.

Александр Мельман

Юрий Поляков: Не всем нравится чужой успех

12 ноября исполняется 65 лет известному писателю Юрию Полякову, председателю редакционного совета «Литературной газеты». Празднование юбилея пройдет на следующий день в Театре сатиры одновременно с закрытием фестиваля «Смотрины». Поляков

считает, что возрождение интереса к чтению должно стать новым национальным проектом.

В последние годы Юрий Поляков все больше работает для театра.

Только в Москве спектакли по его произведениям сейчас идут в четырех театрах: четыре во МХАТе имени Горького, три – в Театре Всеволода Шиловского, два – в Театре сатиры и один – в Театре Российской армии. У Юрия Михайловича уже девять изданных пьес, пять из них вошли в сборник «Он, она, они», выпущенный к юбилею. А в один из дней фестиваля Поляков прочитал в театральном центре «Вишневый сад» новую, десятую пьесу – «В ожидании сердца».

«Поедешь на «Смотрины» – про «Маску» забудь!»

Юрий Михайлович, как прошла читка?

– Слушали очень внимательно. Никто не ушел. В зале были и профессиональные драматурги, и театральные деятели, и просто те, кто купил билет. Может, в этом был элемент предъюбилейной лестии, но все сказали, что пьеса удалась.

– Это ваш первый подобный опыт? Голос не сел?

– Раньше я читал пьесу только «на труппе», то есть актерам, после того, как ее приняли. На обычной публике читал в первый раз. Я этим не увлекаюсь. Но для меня это никакого труда не составило. Это нынешнее поколение даже собственные стихи, не заглядывая в планшет, прочитать не может. А нас школили, учили выступать на аудитории с самыми разными произведениями. Стихи свои я всегда читаю по памяти. Пьесу, конечно, с листа – все-таки 65 страниц – но вышло довольно живо.

– В статье «Драмы прозаика» вы писали, что автор в театре «беззащитен, как прохожий в зоне контртеррористической операции». Надеюсь, постановщики спектаклей, показанных на «Смотринах», не заставили вас испытать это чувство?

– В театральном искусстве сложился диктат, даже тирания режиссера. Хорошо, когда он талантлив, а если бездарен? Вообразите, когда целый коллектив оказывается во власти самонадеянного ничтожества. В советские времена и у авторов было больше прав, и режиссеры знали окорот. Но у меня за редким исключением отношения с постановщиками складывались и

складываются нормально. Некоторые постановщики, такие как Петр Орлов и Павел Карташов, стали сподвижниками. Все почти спектакли, представленные на фестивале, я видел до показа сам и за их уровень ручался.

– А какие отзывы от зрителей слышали?

– Многие благодарили за возможность увидеть немосковские театры. Говорили, что их можно поставить в пример столичным: там очень высокая актерская школа, очень точная постановка, где режиссер не самовыражается, а пытается донести именно то, что хотел сказать драматург.

– Какие выводы вы сделали из первых «Смотрин» 2015 года?

– Была хорошая пресса, аншлаги. Главный вывод, который мы сделали: под приглашенные в Москву театры нужно подбирать зал побольше. Бедная Светлана Врагова, руководившая тогда театром «Модерн», велела собрать все стулья, чтобы усадить зрителей, оставшихся без места. Билеты были проданы, а ведь надо еще друзей и журналистов пригласить! Второй вывод: не всем нравится чужой успех. Некоторым постановщикам звонили из Москвы некие золотомасочные субстанции и угрожали: «Поедешь на «Смотрины» – про «Маску» забудь!» Некоторые испугались...

– Как сложится судьба ваших пьес на сцене МХАТ имени Горького после того, как Татьяна Доронина перешла на должность президента театра?

– Конечно, резать куриц, несущих золотые яйца, – наша национальная традиция. На сегодняшний день в репертуаре МХАТ четыре мои пьесы: «Контрольный выстрел», «Как боги...», «Особняк на Рублевке» и новая редакция «Грибного царя» («36 часов из жизни одинокого мужчины»). На все эти вещи зрители ходили с удовольствием. Возможно, их подвергнут редактуре. Не знаю. Прямого ответа на вопрос от Эдуарда Боякова (художественный руководитель МХАТ – прим. «ВМ») я пока не получил.

Доктор для диалогов

– Два года назад вы создали и возглавили Национальную ассоциацию драматургов. А зачем вам заботиться о конкурентах?

– Потому что выяснилось, что у нас нет ни одного профессионального объединения драматургов. Вот объединение рабочих сцены есть. Более того – оргкомитет Года театра составили так, что там нет ни одного драматурга. А сами драматурги – их много, но вы можете назвать хоть кого-то, кто мог бы представить в одном месте в одно время десять спектаклей по своим произведениям? Вот есть вино, а есть «виноматериал». То, что делает «новая драма», я называю «драматургический материал». Его или ставят на чердаке на 50 мест, куда через полгода уже никто не ходит, или вообще ограничиваются читкой. Мы учредили конкурс «Автора – на сцену!», чтобы искать по всей России настоящие пьесы. Десять лучших произведений получают сертификаты на 500 тысяч рублей, предназначенные для театра, который согласится их поставить. Больше половины пьес – победительниц предыдущего года уже в стадии постановки в различных театрах. 15 ноября жюри подведет итоги второго конкурса.

– В этом году пришло больше произведений?

– Гораздо больше. Одна беда: многие мои знакомцы просят, чтобы я порадел какому-то хорошему человеку, а у нас все решает жюри, выставяющее объективные баллы. Многие на меня уже обиделись. Но таково условие.

– Вы сами читаете присланные пьесы?

– Только те, которые отобраны профессиональными экспертами.

– Как меняется качество – к лучшему, к худшему?

– В этом году уровень присланных произведений значительно выше. Вы не представляете, насколько разнообразна тематика: это и современность, и давняя история, и недавняя. Весь спектр нормальной, зрительской драматургии – от комедии до мелодрамы, от внятного новаторства до постмодернистской игры в традицию.

Просто система «Золотой маски» и «новой драмы» такие произведения уже двадцать лет продуманно и, надо сказать, технологически очень грамотно отсекает от театра.

– Значит, есть шанс потеснить «новую драму»?

– Мы предлагаем ставить пьесы, победившие на нашем конкурсе, ни в коем случае не вместо «новой драмы». А вместе с нею! А дальше – пусть решает зритель. А вообще Национальная ассоциация драматургов хотела бы создать театр, который будет весь обращен к постановке современной отечественной традиционной пьесы. Материал под него мы имеем. Вопрос за политической волей. Но традиционалистов, как известно, наша власть не любит, хотя они, по сути, ее оплот.

– У вас очень афористичный стиль, поэтому хорошо получаются реплики героев. Вы однажды проговорились, что работали «сценарным доктором» на сериале «Мужская работа» – переписывали диалоги...

– Да, я тогда дачу достраивал, нужны были деньги. Меня приглашали также «лечить» сценарий второй части сериала, но я отказался, так как дачу к тому времени уже достроил. Диалоги, как признают многие, мне удаются. Ведь и Станислав Говорухин пригласил меня на «Ворошиловского стрелка» именно в качестве автора диалогов.

– А вот Наталья Якушина, член жюри конкурса «Автора – на сцену!», делала обзор недостатков присланных пьес. Среди них – слабые диалоги. И ставила в пример вас – мол, Поляков над каждой пьесой работает по два года, читает вслух с разной интонацией, тестирует на знакомых, угадают ли финал. Это ваши главные секреты?

– Да, я читаю будущую пьесу вслух, но не это главное. Взгляните на нынешний пейзаж, а потом на картину Левитана. Это же не фотография, а настроение природы передает глубже и тоньше. Так же соотносится живая речь, нас окружающая, и речь драматических персонажей. Почему у одних получается, а у

других выходит пародия на живой язык, я не знаю.

– Так я к чему: вы ведь могли бы преподавать молодым драматургам. Почему у вас нет своего семинара, например, в Литинституте?

– Научить можно тех, кто хочет научиться. Нынешние молодые писатели зачастую убеждены, что мастерство – производное от полученной литературной премии, вроде «Большой книги».

Глубокое заблуждение, которое будет им стоить творческой судьбы. Уровень семинаров в Литинституте сейчас очень низкий. А вот в Московском государственном областном университете, который я окончил (он тогда назывался Московский областной педагогический институт), уже второй год работает литературная мастерская Юрия Полякова. Я пригласил туда вести семинары своих друзей, известных литераторов, сам периодически встречаюсь со студентами. Туда ходят талантливые люди, кто-то уже и публикации сделал.

Поворот к книге как национальный проект

– Два года назад вы оставили пост главного редактора «Литературной газеты», которой руководили 16 лет. Теперь вы председатель редакционного совета. Как себя чувствуете в этой роли?

– Свободного времени стало больше, ради этого, собственно, и ушел с поста. Председатель редакционного совета – это почетное звание, не более. Жаль только, что мои преемники решили стать журналистами, приятными во всех отношениях. Газета не праздничный салют, она не может нравиться всем.

– В этом году вы вошли в Общественный совет при Комитете по культуре Госдумы. Что вам хотелось бы там сделать?

– Надо добиться того, чтобы возвращение интереса к книге и возрождение культуры чтения стало национальным проектом. Сегодня взрослый россиянин в среднем прочитывает четыре книги

в год. О каких прорывах можно говорить в такой ситуации?

– Сколько лет вашим внукам? Вы как-то руководите их художественными вкусами и досугом?

– Моему внуку Егору – 16, а внучке Любви – 15. Мы часто берем их с собой в театр. Телевизор смотреть им некогда, очень загружены в школе. А интернет... Нынешние подростки, оторвавшись от смартфона, по-моему, искренне удивляются, что вокруг есть еще какой-то реальный мир.

– Что из дедушкиных произведений они читали?

– Пожалуй, они доросли до «ЧП районного масштаба» и «Работы над ошибками».

«На улице порой останавливают»

– Ваш последний роман «Веселая жизнь, или Секс в СССР» вышел полгода назад. Как его приняли читатели?

– Я думаю, количество проданных экземпляров приближается к 50 тысячам. Но по всем признакам у меня вышел, как говорят, «лонгселлер», то есть долго продающаяся книга. Самая лучшая реакция такая: «Ах, я купил книгу по дороге с работы и не мог оторваться до утра». Или вот еще: «Так это же совсем не про секс!» Это про жизнь, друзья мои!

– А прототипы и их потомки что говорят?

– Молчат. Видимо, ошеломлены.

– Почему вас нет в социальных сетях? Вы же могли бы активнее получать обратную связь от читателей.

– Знаете, сеть – очень коварная штука. Некоторые талантливые писатели ушли в нее и в литературу потом не вернулись. Она напоминает мне литературные кафе времен моей молодости, когда за столиком говорилось столько умного, яркого, талантливого, а вот написать потом это на бумаге сил не оставалось. Сколько я

видел этих не случившихся гениев за кофе с коньяком! Но, я компенсирую обратную связь за счет моих частых встреч с читателями. Да и на улице порой останавливают, дают дельные советы, делают меткие замечания...

– Вам поступают новые предложения по экранизациям ваших произведений?

– Да, веду переговоры по поводу «Гипсового трубача», «Любви в эпоху перемен» и «Веселой жизни». Но как сознался мне известный продюсер: «Чем лучше написана проза, тем труднее ее ставить».

– Над чем вы работаете сейчас?

– Пишутся рассказы из цикла «Советское детство», вскоре выйдут отдельной книгой. Кроме того, я готовлю новую редакцию романа «Любовь в эпоху перемен» для восьмого тома 12-томного собрания сочинений. Кроме того, скоро выпустят новый сборник моих эссе о писательстве, который будет называться «Селфи с музой».

– В предисловии к «Веселой жизни...» вы писали о том, как трудно было садиться за новый роман после празднования 60-летия, когда ты весь «засахарен величальной патокой и ослаблен алкоголем». А вы уже запланировали какой-то детокс на первые дни после 65-летия?

– Лучше карловарской минеральной воды пока еще ничего не придумали... Помогает также русская баня с хорошим травяным чаем. Но главное – я знаю: мой –. Надо держаться в творческой и интеллектуальной форме. Так что после юбилейного релакса – работа, работа, работа...

СПРАВКА

Юрий Поляков родился 12 ноября 1954 года в Москве. Окончил Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской, факультет русского языка и литературы (1976). Кандидат филологических наук (1981). Работал учителем

(1975–1977), инструктором райкома комсомола (1977– 1978), корреспондентом (1978–1981) и главным редактором (1981–1984) газеты «Московский литератор». В 2001–2017 годах – главный редактор «Литературной газеты». Первая книга – сборник стихов «Время прибытия» (1980). Громкую известность получил благодаря повестям о проблемах самых важных институтов советского общества: комсомола («ЧП районного масштаба», 1985), школы («Работа над ошибками», 1986), армии («Сто дней до приказа», 1987), партии («Апофегей», 1989). Темами последующих повестей и романов стали разочарование в идеалах перестройки («Демгородок», 1993, «Любовь в эпоху перемен», 2015), родимые пятна отечественного бизнеса («Небо падших», 1993, «Грибной царь», 2004), превратности любви и семейной жизни («Парижская любовь Кости Гуманкова», 1990, «Замыслил я побег...», 1999, «Возвращение блудного мужа», 2001), особенности литературного процесса – советского («Козленок в молоке», 1995, «Веселая жизнь, или Секс в СССР», 2019) и современного («Гипсовый трубач», 2008–2012). Награжден орденом Дружбы (2006), орденом Почета (2010), орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2015), орденом святителя Иннокентия (2019), лауреат множества литературных премий.

Мария Раевская

**ВЕЧЕРНЯЯ
МОСКВА**

**Писатель Юрий Поляков: Ругать
власть можно и справа, и
слева**

12 ноября – 65 лет со дня рождения известного писателя и драматурга

Накануне юбилея автор «ЧП районного масштаба», «Козленка в молоке», «Грибного царя» и многих других произведений, которые любят миллионы, побывал на Радио «Комсомольская правда» (97,2 FM) на записи популярной программы Андрея и Юлии Норкиных «Простыми словами». Вот самые интересные, на наш взгляд, фрагменты...

«В современной драматургии катастрофа»

– ...Юрий Михайлович, сейчас в самом разгаре театральный фестиваль «Смотрины» по вашим драматическим произведениям... А что вообще сейчас происходит с российским театром?

– На мой взгляд, если брать современную драматургию, в общем-то мы имеем почти катастрофу. Почти за 30 лет не выдвинулся ни один драматург общенационального уровня, я не говорю уже о масштабах Островского, Булгакова, Вампилова. Почему? Потому что ставка была на новизну любой ценой. Но ведь если нож точить бесконечно, у вас в руке останется одна ручка. Вот «ручка от ножа» вместо драматургии и осталась.

– Что, у нас и ремесленников нет?

– Ремесло – это замечательно. Но очень плохо с начальной профессиональной подготовкой. Именно с ремеслом, как заявил мне один начинающий автор пьесоподобных текстов: «Я пишу доаристотелевскую драму». Я говорю: напиши хоть одну аристотелевскую, а потом берись хоть за догомеровскую. Человек не может написать нормальную пьесу с началом, серединой, с

концом. Но его тут же тащат на «Золотую маску», вручают премии. После этого он считает: а зачем мне учиться?

«Без подобострастия, но объективно»

– Ваши первые повести отличались острой критикой. И это было очень шумно. Тем не менее для либералов вы один из самых неприятных людей.

– Вообще это один из мифов, что критика властей может быть только либеральной. У меня из-за этого была полемика с Николаем Сванидзе. Он сказал, что журналист не может не быть либералом. А коли не либерал, то и не журналист. А пропагандист. Критика существующего порядка вещей может быть и справа, и слева. Кто-то может критиковать власть за то, что она слишком жесткая. А кто-то – что она слишком мягкая и оттого недостаточно эффективная. Что опаснее: избыточность или недостаточность государства? Это еще вопрос.

– А вот ваша цитата: «Если писатель-публицист во всем согласен с властью, он приспособленец. А если писатель ни в чем и никогда не согласен с властью, он негодяй». Это о чем?

– Все правильно. Вот я всегда был в оппозиции к Ельцину, я считал этот режим преступным. Я был одним из основоположников антиельцинизма в литературе, и сатирически – даже, как считают некоторые критики, издевательски – его изобразил и в «Апофегее», и в «Демгородке». Но я не утверждаю: все, что делалось при Ельцине, было неправильным. Точно так же и нынешние власти: они сделали много положительного, но еще больше они не сделали для народа и страны. Власти не надо хамить, но и говорить с ней дрожащим голосом не следует.

«Архипелаг ГУЛАГ» не нужно изучать в школе...»

– А что смущает вас в Солженицыне?

– Ничего не смущает. Кроме того, что он не мой писатель. Для удовольствия я его никогда не читаю. Я для удовольствия Гоголя, Бунина, Булгакова, Катаева читаю.

– Ну как же, он же правду написал. Сколько было в концлагерях наших замучено...

– Да, свою правду, не совпадавшую с исторической реальностью. Он опирался на тогдашние мифологические цифры жертв, в десять раз превосходящие реальные. Все равно речь идет о гигантских жертвах перманентной революции, но преувеличивать зачем? А ярлык ненавистника Солженицына мне приклеили в 2014 году, когда я со своим неосторожным прямодушием возмутился, что уже за четыре года до юбилея во все организации прислали циркуляр, как отмечать столетие писателя, а о Константине Симонове, у которого в 2015 году тоже 100-летие, о Горьком, у которого 150-летний юбилей, о Тургеневе с его 200-летием ни слова. Как же так? А ведь они сделали для нашей культуры, мягко говоря, не меньше.

– Считаете, это реверанс властей в сторону либералов?

– Нет, просто наши власти решения принимают зачастую под давлением «ходоков». За Горького, видно, тогда попросить было некому. Кроме того, я имел неосторожность напомнить, что Александр Исаевич говорил о Советском Союзе – о нашей с вами Родине, на минуточку! – живя в США. А он призывал Америку активно бороться против Советского Союза... А когда я «до кучи» сказал, что «Архипелаг ГУЛАГ» – это не та книга, которую нужно изучать в школе...

– Почему?

– Потому что вещь очень субъективная. Там много фактов, которые потом историей не подтвердились. Там же есть апологетические, мягко говоря, главы о предателе генерале Власове. Вот есть замечательная вещь Солженицына «Один день Ивана Денисовича». О жизни политических заключенных в лагере. Хотите понять эпоху, трагедию этих людей, которые пострадали – кто невинно, а кто и за дело, – читайте «Один день...».

– Может быть, ваш конфликт связан с тем, что он писатель

антисоветский, а вы советский?

– Я – советский. Но если в нашем государстве и дальше будут размываться базовые ценности, то это плохо кончится. Вот Солженицыну, который с пониманием относился к Власову, считая измену формой борьбы с ненавистным режимом, поставили памятник. И я хочу заступиться за Дмитрия Быкова, хотя он герой отнюдь не моего романа. На него спустили всех собак, когда он высказался о желании написать книгу о Власове в серии «Жизнь замечательных людей». Ребята, вы уже определитесь. Если за одни и те же идеи одному ставят памятник, а другого ругают, как последнего сукина сына, это какая-то форма государственной шизофрении.

«В СССР была культурная политика. А сейчас ее нет»

– Вы давно говорите, что государство неправильно поддерживает театр, кино, выделяет деньги на съемки и постановки, мягко говоря, невысокого художественного уровня. Почему государство не следит, на что потрачены средства?

– Мне кажется, проблема не в государстве, а в том среднем слое чиновников, у которых просто нет ни мировоззрения, ни каких-то идеалов. Вы знаете, в каком российском фильме снялся нынешний президент Украины? Да, «Поручик Ржевский и Наполеон». Более чудовищной ерунды, снятой на государственные деньги, да еще к 200-летию победы над супостатом, невозможно вообразить.

– Погодите, вот вы председатель Общественного совета Минкульта...

– Общественный совет не принимает решений, он рекомендует и предостерегает. Была история с фильмом «Смерть Сталина», которому неожиданно выдали прокатное удостоверение. Потом посмотрели и сказали: батюшки, это же поклеп на нашу непростую историю.

...В СССР была культурная политика. А сейчас ее нет. Как системы. Я уже упоминал юбилеи великих писателей мирового

уровня. Хоть один фильм по их произведениям был создан к годовщине? Почему? Бог весть...

– Может, и хорошо? Вы представляете, что сейчас сделают из классиков? «Матильду» помните?

– Хотиненко, Кара, Лебедев очень даже хорошее кино сделают. А вот зачем лезть в личную жизнь сложного нашего царя, когда общество так разделено, я не понимаю.

– Провокация. Но ваши-то книги тоже провокационны.

– Провокативны. Меня однажды спросили: как вам вариант – ваши вещи никогда бы не напечатали, но Советский Союз сохранился бы, 20 миллионов русских не оказались бы за рубежом людьми второго сорта? Я ответил так: да хрен с ними, с этими повестями. Страна и люди дороже.

– Гниение государства – это абсолютно отрицательный процесс. Но если государство решит ввести цензуру и гайки закрутить, это процесс гниения не остановит...

– Есть цензура и цензура. При советской власти это был государственный инструмент. Цензура, как понимала, защищала интересы страны в прессе, в искусстве. Правильно, неправильно, но защищала. Сейчас у нас цензуры государственной нет. Но есть корпоративная, есть цензура политических блоков, есть цензура тусовки.

Есть либеральные издания, скажем, журнал «Знамя», в котором просто заявляют: писателя Полякова для нас нет. Это тоже цензура. Конкретной политической группы. И она, кстати, гораздо беспардоннее, чем советская цензура, с которой можно было бороться.

– Так где же рамки этого разумного ограничения?

– А в этом и есть мудрость. Здесь надо в каждом конкретном случае договариваться. Если выйдет какой-то роман, который, с моей точки зрения, неправильно оценивает войну 1812 года, да и

бог с ним, у нас плюрализм. Но зачем на казенные деньги снимать к юбилею и показывать по телевизору дорогостоящую белиберду с издевательствами над нашими святынями? Вы мазохисты? Я – нет!

* * *

– Вот еще один отклик: «Поправочка, Норкины. Запрос лишь на моральную цензуру, а не на политическую».

– А почему не на политическую? Если кто-то скажет: а я за развал Российской Федерации, мы что, должны это спокойно скушать? У нас были такие любители развалов, угробили Советский Союз и теперь прекрасно живут в Штатах, но почему-то не призывают разваливать это государство. Знают, сразу посадят.

БЫЛ СЛУЧАЙ

Как из-за Полякова чуть не закрыли «Комсомолку»

– Это было в 1993 году. Когда Ельцин расстрелял в «Белом доме» мятежный парламент, я написал статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция». И отдал ее в «Комсомольскую правду». В либеральной прессе не было ни одного материала против расстрела «Белого дома», а оппозиционные органы закрыли. Моя статья оказалась единственной, в которой осуждался этот преступный акт. И она вышла в «КП». И газету решили закрыть. День она не выходила, потом помиловали.

– Почему вы считаете, что расстрел парламента – это страшная история?

– Потому что это был первый конфликт между президентской и парламентской властью. Если бы тогда из него вышли с честью, с помощью переговоров, мы бы сейчас жили в другой стране. И у нас бы не было столько претензий к качеству нашей демократии, которая у нас, по сути, сувенирная. Уж лучше монархия...

– Как-то пессимистично... А по жизни вы оптимист?

– Конечно, оптимист, если продолжаю сочинять книжки, когда до меня столько написано и такими гигантами!

Александр Гамов, Любовь Моисеева

Заложник времени

10 ноября исполнилось 90 лет патриарху отечественной журналистики, который сам журналистом никогда не был, а если уж писал, то книги – и одна называется очень точно и сильно: «Заложник времени»

Речь о **Михаиле Федоровиче Ненашеве**, главном редакторе легендарной «Советской России» конца 70-х – середины 80-х. Он руководил после Госкомитетом по телевидению и радиовещанию СССР, был министром печати и членом ЦК КПСС, но для меня, так вышло, он остается главным главредом моей жизни: я и несколько верных друзей проходили школу той самой «Савраски».

И видели технологию и душу газеты, которая на тот момент была действительно и самой смелой, и самой раскрепощенной – и самой сердечной газетой страны. Самой народной.

Что же такого сделал Михаил Федорович? Он отменил рамки. В самом прямом смысле этого слова. Традиционная верстка тогдашних советских газет предполагала, что репортаж о миллионном тракторе от фельетона о браконьерах отделен тоненькой, но рамочкой. Фигуристая рамка могла отбить заметку

«Шуберт в сельском клубе». А типографский элемент потолще – подвал «Трудная рыба Шикотана». Ненашев все это выбросил (честно сказать, вместе с фальшивым и нелепым Шубертом). А что же вместо рамок было в той газете? А воздух.

Это типографский, в сущности, термин, которым определялся тип верстки: зажатый, стиснутый, застегнутый на молнии и пуговицы, или свободный, где большая, реально большая фотография Павла Кривцова с реальными мужиками (прямо из деревенского детства Ненашева), неторопливо раскладывающими на среднерусской возвышенности хлеб да чарочку – встретить великий праздник – никакой рамкой не была отделена от рубрики «За чистоту и свет в партийном доме». Там сияла светлая полоса чистой газетной бумаги.

Воздух был впущен Ненашевым не потому, что он сам так хотел (а он хотел, это важно), а потому, что являл собой новые, живые силы «руководящей и направляющей». Молодому поколению непросто будет в это поверить, но среди тогдашних начальствующих и рядовых коммунистов было много нормальных зрячих людей, которые понимали, как и чем реальная жизнь народа отличается от партсобраний и газетных полос. И они задавали себе простой вопрос: а зачем? Кому нужна эта затхлая картинка, создаваемая совокупными усилиями дисциплинированных, привычных, даже мастеровых журналистов, если она только углубляет зазор между идеалом и реальностью?

Возможно, они радарам чужали опасность – в том числе и для собственного будущего. Я помню, как в тогдашней «Советской России», меня, собкора, заставляли переписывать заметку о двух склочниках из локомотивного депо, которые по своим, честно скажем, корыстным, карьерным соображениям булгачили народ, требуя немедленного решения кучи проблем: достройки детсада, выплаты премии и горячих обедов для выездных бригад. Они слали письма во все инстанции – и в одном даже пригрозили забастовкой! Я описывал коллизию, как есть, но материал возвращали на доработку.

Наконец, кажется, понял, чего от меня хотели. Оставил экивоки и написал прямо: вот два малоприятных человека добиваются своих целей. Но! Во-первых, они ж совершенно правы! Без

детсада депо теряет самые квалифицированные и активные кадры. А вагоны стоят неремонтированные. Премия болтливый начальник обещал, когда вызывал коллектив по выходным на сверхурочные? Обещал. Выдал? Нет. А плохо ли похлебать супчику, когда открутишь промёрзшую гайку? Очень даже неплохо. Тогда у меня вопрос: как получилось, что два неприятных типа выражают у нас народные чаяния, а остальная шатия (партком-профком) только отбиваются? Хорошо устроились: детишки у них пристроены, премия бесперебойно, обед по расписанию. Материал тут же со свистом напечатали, добавив в список заваливших дело ещё и крайком – а как иначе? Газета-то республиканского масштаба!

Как потом от таких правильных заметок мы все хором докатились до развала страны – вопрос шекспировской силы, но пока позвольте все-таки не об этом, а о том, как Ненашев заставлял своих подчиненных думать.

У меня хранится пример удивительной правки Михаила Федоровича. На стажировке в Москве я написал некий текст – о неприятном, но «нужном» событии, наскоро. Его тут же поставили в номер. Для ускорения процесса главреду отнесли гранку. Не дожидаясь, пока будет сверстана вся полоса. Вскоре гранка вернулась. И там черными густыми чернилами был обведен один абзац, самый стандартный, а на вожже на поля был вынесен комментарий, который стал для меня судьбоносным: «Володя! Зная тебя, уверен, эту же мысль ты можешь выразить гораздо живее и ярче!» Не сердитый крест, не скорая замена двух-трех слов. А мини-учебник журналистики. А, может, и жизни.

Интересная коллизия случилась, когда Михаила Федоровича назначили председателем Гостелерадио. Его оправили туда вместо Александра Никифоровича Аксёнова, опытного партработника родом из Белоруссии, который проявил мягкотелость: допустил появление на экране весьма буйного тогда перестройщика Марка Захарова, который заявил, что Ленина надо вынести из мавзолея и похоронить по-христиански. Это спустя много лет Захаров признал, что его тогдашние яркие заявления да костер из партбилета в прямом эфире были малопристойными шутихами, а «с

коммунизмом надо расставаться достойно». Тогда же... Страна шла в разнос, и увидевший это Горбачёв (даже он это видел, только признаться не хотел) назначением Ненашева пытался «поправить картинку».

Мне кажется, что член ЦК, опытный, обладающий ясным умом и волей Михаил Федорович действительно видел четкую границу между перестройкой, которую готовил глубинно, народно, несуетно – и развалом. Воздухом и вакуумом. Свежим ветром и бесчинным ураганом. Но, не будучи журналистом по образованию, он был им по сути. Да и беда зашла слишком далеко. Когда его в свою очередь на Пленуме ЦК снимали с должности руководителя Гостелерадио, стыдя за «беспросветность» и «очернение», а заодно и за Чумака с Кашпировским, он сказал, возможно, ключевую фразу, характеризующую ситуацию той поры: «А вам не стыдно так плохо править страной? Телевидение виновно только в том, что полнее, чем что бы то ни было, отражает происходящее в реальной жизни. Телевидение не может быть лучше, чем жизнь».

Возвращаясь к теме оценки деятельности Михаила Федоровича и тех государственных деятелей, кто в перестроечную пору стоял над, рядом, бок о бок... Лучше и жестче, чем он сам, никто не оценит. «Не стану... кривить душой – скажу, что те, кто начинал перестройку, кто поверил в нее и убежден был, что удастся вернуть людям утраченную надежду, сегодня чувствуют свою огромную вину и ответственность за то, что не хватило сил, мудрости привести задуманное к успеху. И главное, конечно, не в сострадании и переживаниях моего поколения по поводу того, что оно оказалось не у дел, ибо они ничто в сравнении с теми испытаниями и несчастьями, лишениями и трагедиями, в которые оказался ввергнут народ по воле инициаторов перестройки. Здесь источник горечи и страдания каждого из нас, кто не утратил боли за свое Отечество».

Жизнь отмерила деревенскому парню, выпускнику Магнитогорского пединститута, государственному деятелю, профессору и профессионалу газетного дела отрезок, который вместил вход страны в глобальные перемены, всю мельницу судеб ее граждан – и выход, залечивание ран. Обретение новой силы. Чистоты и света, что снова оказываются и труднодостижимыми, и не

близкими. Ему досталось много счастливых и горьких дней.

А я буду всегда вспоминать тот, когда мы с Игорем Коцем, нынешним шеф-редактором журнала «Родина», вышли из кабинета Ненашева, утвержденные собкорами лучшей газеты страны. Шли мы с ним по улице Правды по направлению к гастроному. К новой жизни шли, что там говорить. И тут гроза, что была по серому асфальту, вдруг кончилась – и засияло солнце. Прямо кино. Кому сказать – не поверят, а было.

Спасибо, Михаил Федорович!

Владимир Мамонтов